

Как молоды мы были...

Борис НОСОВСКИЙ

ВЫБРОСЬ НОТУ
“ЛЯ”

Отрывки из новой книги.

Есть люди, которые талантливы во всем, за что бы они не брались.

Борис Носовский - хороший музыкант, режиссер, а теперь, как оказалось, интересный литератор.

Его рассказы, публицистика, стихи публиковались в газетах и журналах США, где он сейчас живет.

В публикации использованы фотографии М. Шмерлинга и из архива автора.

ПОВЕЗЛО.

К великому стыду, я почти не знаю свою родословную. По отчеству родителей вычислил имена своих дедов. Фотографии их не сохранились (война и т.д.). Знаю только, что люди они были мастеровые. Мама моя, Колдобская Рива Семёновна, была родом из Яновичей, небольшого местечка под Витебском. Папа, Носовский Исаак Яковлевич, был родом из Витебска. Их семья жила на Песковатниках, рядом с Косовой баней. Несколько поколений Носовских жило тут. Отец рос в большой семье - много братьев и сестёр. Парни были крепкие. На "Песках" знали, что Носовских лучше не трогать...

Отец рассказывал, что зимой, по выходным, выходили на лёд Двины драться стенка на стенку. Одна стенка - песковатинская, другая - те, кто жил на другой стороне реки на Полевайке (тоже район был "симпатичный"). Никакая полиция-милиция не могла навести там порядок. Вначале выпускали пацанов, потом подростков, потом сходились взрослые. После массового мордобоя шли "на мировую" ... Как везло.

В Витебске родились мои прадеды, деды, родители, мои сестра и брат, мои дети. В городе на Двине родился и я, причём, всего на два дня позже Владимира Ильича: он - 22, а я - 24 апреля (разница в годах - не в счёт!). Привыкать к перемене мест начал очень рано - мне исполнилось три года и без двух дней два месяца. Началась Великая Отечественная. Отца сразу мобилизовали в армию. (В 1930 г. он окончил медицинский факультет Минского университета. Преподавал в Витебском медтехникуме, работал врачом-гинекологом с очень известным врачом Рывашем. Д-р Рываш не хотел эвакуироваться из Витебска. Немцы повесили его...).

Через несколько дней войны мама взяла своих детей (в чём были одеты) и на вокзал. Повезло: нас подобрал воинский эшелон. Мои воспоминания? ...Весело стучалище на стыках рельсов колёса - мы едем, едем, едем! На настоящем поезде! Я ем хлеб с колбасой (солдаты дали)... Потом они стреляли (из настоящих винтовок!) в небо. В стене нашей "тепушки" было выбито несколько досок. Потом резкий удар, люди, предметы - всё летело, кувыркалось, падало...

Позже мама рассказывала, что под Великими Луками немецкие самолёты бомбили наш эшелон, в соседний вагон попала бомба... Нам повезло. Мы остались в живых.

Волёю судьбы оказались в небольшом городке Серове (Свердловская область). Зима 41-го была на Урале суровой и снежной. Частые снегопады засыпали снегом одноэтажные деревянные дома до самых крыш. Страшно голодали. Холод. Скучной маминной зарплатой (она работала санитаркой в госпитале) хватало на оплату небольшой комнаты, в которой мы жили. Однажды мама принесла что-то в глиняной миске. Я, вечно голодный, решил, что это какой-то кисель. Как только она вышла из комнаты, я начал с жадностью пить. Жидкость была горькая, страшно воняла, но я хлебал. (Оказалось, что в госпитале маме дали немного жидкого мыла постирать детскую одежду...). Она странно перепугалась, думала, что я отравился. Но, слава Богу, обошлось. Повезло. Не умер.

Летом было легче. Можно было долго отогреться под лучами жаркого солнца. Обычно разрасталась крапива, которую варили на первое, на второе и на...третье.

Однажды я увидел, как на хозяйских грядках вновь копошился большой ярко-рыжий петух с большим кровавым гребнем. По куриному приговаривая, не отставали от него в усердии разномастные поклонницы-пеструшки. В свои пять лет я понял, что через несколько минут они завершат процесс неистового выгребания, а урожайная осень (вместе с хозяйкой) так и не дожждётся огурцов с помидорами. В детском саду нас учили делать добро и помогать другим. Я начал камешками отгонять клюющих птичек. Куры страшно удивились и нагло уставились на меня своими немигающими зрачками. А петух осерчал, налетел коршуном. Повезло: глаза не выклевал, но физиономию испортил прилично. Это

был мой первый урок: не всегда на твои добрые устремления жизнь откликнется тем же.

Однажды мама пришла с работы раньше обычного, опухшая от слёз. Мы, дети, притихли. А мама проплакала всю ночь. Потом она рассказала, что в Ама-Ате умерла бабушка Муся, мамина мать. От голода.

Хорошо помню, как в 1944 году нас развела бабушка Соня (мать отца, жила в Москве). Она прислала нам посылку: паклило пшеники и 200 граммов конфет "подушек". Э-э-т-то был праздник! Написал "от пуза", написал чаю до... Потом нас всех вояло. Изобилие после длительного голодания не пошло на пользу.

Конец войны застал нас в г. Смоленске (отец был начальником гарнизонной поликомиссии военного госпиталя N421). Через овраг от нашего дома стояла зенитная часть. В честь Победы зенитчики устроили салют, да такой, что частично оставшиеся оконные стёкла вылетали с победным звоном и насовсем. Соседние девочки-старшеклассницы стали бегать к лётчикам на танцы, а их мамы резко возражали (были всякие инциденты...). Однажды мальчишки во дворе нашли маленький-маленький парашют. К нему была привязана плитка шоколада и записка, в которой какой-то лётчик объяснял в любви какой-то Наташе. Плитка шоколада в 1945-ом! Мамаше мальчишек встревожились, а вдруг этот лётчик хотел её (т.е. Наташу) отравить?! К большому разочарованию пацанов, шоколад выброшен в недавно построенный общественный туалет. Жаль, никак не достанем!...

На параде Победы в Смоленске лётчики шли в сверкающей парадной форме. Мы тонули в восторге от этого зрелища и чеканного грота, от которого, как нам казалось, содрогалась весь земной шар.

Отец по состоянию здоровья демобилизовался из армии и осенью 1945 стал работать главврачом Богусhevской районной больницы. Послевоенный Богусhevск - райцентр в Витебской области (очередной пункт на карте моих путешествий) встретил нас лозунгами "Нихай жыць..." и т.д. Здесь я пошел в первый класс. Все предметы преподавались на белорусском языке. Белорусский я овладел довольно прилично. Спусти много лет при постановке спектакля "Обезумевший Альберт" по пьесе В.Ковалёва на сцене Гомельского драмтеатра консультант по белорусскому языку для актёров мне не понадобился...

...С Богусhevском связаны мои самые тёплые воспоминания, несмотря на все бытовые тяготы первых послевоенных лет. С неиссякаемыми энергией и энтузиазмом мы ползали по траншеям и окопам, ещё не успевшими зарастить травой. Эти "шрамы войны", как потом их часто называли писатели, хранили на земле (и под землей) неопишущую экзотику: от ракетниц и наганов с барабаном до снарядов и хвостатых мин. Мой старший брат Лева прятал от отца на чердаке штуки и посерьёзне... Я боготворил Лева, я преследовал его как тень, он гнал меня домой, иногда давал коленом под зад, (чтобы не шпионил! А я и не шпионил!!!), с ним я не боялся даже спать на чердаке. Чердак был не простой, внизу находился морт. В темноте мы вместе лезли наверх по скрипящей лестнице, а спустя минут 30-40 Лева бесшумно, с ловкостью рыси, исчезал во тьме - на вечеринку в соседнюю деревню, а я, окутанный ледяным ужасом, судорожно сдвигая веки, пытался побыстрее уснуть. Но всё было бесполезно - мешали плашущие туда-сюда скелеты... Ночные бдения были для меня настоящей пыткой, но предать брата?!... Ради него я готов был на всё! В десятом классе он "схватил" двойку. За этим последовала родительская расплата: плохо учишься - денег на куреве не получишь! У меня была шикарная коллекция почтовых марок. Все пацаны мне завидовали. Марки тогда - это даже не трум-

ля-ля! Продал их тогда (как сейчас помню) за 20 руб. То есть, за бесценок. Деньги "втихара" от родителей отдал брату на папиросы. На что бабушка Соня (она позже узнала эту тайну) отреагировала: - "Дурак, такую красоту прода-а-а!"... По поводу курева не надо удивляться, т.к. родители разрешили Лева курить дома уже в восьмом классе. Но только не на улице, не за углом, не в школьном туалете и т. д.

...Однажды мама никак не могла растопить плитку. Основы дрова гуделись водой, но не разгорались. Я побежал на чердак, вытаскивая целый сноп дровяного пороха (брат разряжал снаряды с таким пороком), засунул его в плитку, позвал маму и сказал, что сейчас она увидит фокус: я сделаю волшебный жест, и дрова сразу вспыхнут. (Снарядный порох воспламенялся мгновенно - это было неоднократно проверено). Магического жеста я сделать не успел, плитка зверски взрвалась, завывла жутким, нечеловеческим голосом, металлические кружки от горелок стали подпрыгивать вверх, искры - в разные стороны!... В это время я нам прибегавшие перепуганные сестры и санитарки: - "Пока-а-а-р-р-р!" И всё такое...

Они увидели на улице такую же огненную феерию, которая со свистом и рёвом вырвалась из нашего дымохода. (Я не вру. Снарядный порох свистел! Спросите у пацанов на Богусhevская!!!).

Всяких проделок и каверс с оружием было много... Сейчас я с улыбкой вспоминаю наши приключения. А тогда это часто заканчивалось трагически. Поэтому отец, когда узнавал о наших опасных играх, оставлял на наших задницах следы звёздочки от пряжки его военного ремня... (На "подарках" войны подпрыгивали и взрослые, и дети). В то время ему приходилось много оперировать, часто в самых неммыслимых условиях. Однажды, когда больница была закрыта на капитальный ремонт, привезли несколько подростков. Они подорвались, пытаясь развинтить снаряд... Было лето. Операционный стол вынесли на улицу. Медсестры и санитарки обильно поливали всё вокруг (наверное, хлороформом). Я не мог смотреть на кровь и неприятные наружу внутренности, но отец заставил нас присутствовать до конца операции... Может быть, эта картина не раз возникала в моём подсознании и уберегла от печальных последствий. Значит, по-вез-ло.

Каждый день послевоенного детства был насыщен самыми разнообразными приключениями. Убежали на озеро (это пару километров от Богусhevска). Там гуляли рыбу всякими взрывными средствами, потом запекали её на костре. Запускали в плавающие плот, на котором разжигали огонь, а рядом ставили толловые снаряды. Однажды такое сооружение рухнуло раньше, чем предполагалось. Несколько мальчишек пост-

Исаак Носовский.

Рива Колдобская.

радало. Крики, кровь... К счастью, всех вовремя и удачно прооперировали. Несколько мелких осколков жести я вытащила из руки сам, к кровотокащим местам приложил "трипутник" (т.е. подорожник). Завидица не погони - уж очень не хотелось получить внесердечной записочки...

...В школе, за спиной нелюбимой учительницы взрывался капсюль. Учительница вздрагивала - мы были кивти. Или: поперёк дорожки лежало бревно. Идущим приходилось его перешагивать. Пацианты привязали к низу бревна небольшой пистолет, сами спрятались рядом в ямке, а тоненькую верёвочку (от курка) засыпали травой. Одного мужика (он нас как-то по пшени гонял) на храбрость проверили. Только он ногу над бревном зашёл, тут верёвочку и дернули.

Музык так резко визг слышу, как будто по нужде ему невмоготу и срочно надо...

Мы громко засмеялись. А дальше мать перемать и т. д. Чудом ноги унесли.

...Много играли в футбол. Вместо мяча была старая зимняя шапка-ушанка, плотно набитая соломой и туто перевязанная обрывками верёвок. Самодельными картами играли в "очко" на пильвах, патроны или папиросы. "Втихаря" курили, кто-то изобрёл ражад взрослого, а многие дядями всерьёз. Но самое главное - всё для кино! Манящего и притягивающего всех, незвизая на возраст, характер и привычки. Там можно было увидеть ошеломляющие трюки, погони, драки и даже недовольные сцены (объятья с поцелуями). Вязотой и визвой в мир самого массового искусства было курево. Приходилось проявлять изобретательность, чтобы незаметно вытаскивать из отцовского портсигара несколько папирос, а потом пулей лететь к клубу, где в обмен на курево контролёр дядя Петя пропуская в зал сразу, как только гас свет...

Конечно, такие поступки не украшают героя, но ничего не поделаешь: что было, то было... Хотя, в целом, я была готов на настоящий подвиг. Однажды увидела, как чья-то коза жевала кусты на огороде соседа. Начал её отгонять, а коза неожиданно долбанула меня рогами. Поведел: не проткнула насквозь. Острые рога зацепились за мои штаны. Я никак не мог отделить их. Коза была до неприличия крупная, с методичностью парового молота била своими кривыми рогами в живот, да так сильно! Мне казалось, что вот-вот мой кишечник вылетит через горло. Спасибо, выскочил хозяин, отделил меня от хранительницы козьего молока и наотмашь дал козе по жопе самодельной резиновой галошей. Насколько я всё правильно поняла, коза лёгкие деревенские галоши не уважала. А что касается меня, то я тогда ещё не знал изречения Козьмы Прутков: индифатива наказуема... И не предполагал, что и петух, и коза - это только цветочки...

Думаю, грешно "сплошничком" ругать Советскую власть. Все дети бабушки Соии получили высшее образование, работали и учились. "Вкальвали", недоседали, недосыпали... Мой отец одновременно штурмовал основы медицины, разгужал на станции вагоны с углем (семью-то надо было кормить), да ещё иногда успевал с мамой на танцы (если соседи соглашались присмотреть за детьми). Вспоминая об

этом, он с улыбкой говорил: "В молодости я был парней гвозди!" На что моментально реагировала мама: - "А я была девушка гвоздики!" Мы дружно смеялись. В остроумии (как мы шутили: "в юморе и сатире") наши родители не уступали друг другу. Музыка, шутки, розыгрыши, домашние концерты - всё это постоянно и всегда! А по серьёзному - бабушкины дети стали инженерами, врачами, экономистами, учёными, офицерами и даже работниками партийно-профсоюзной номенклатуры. Старший брат моего отца дядя Ефим работал в Москве. Потом туда переехали и другие дети. Отец не хотел уезжать из Витебска. Дядя Ефим работал на ответственных постах (так тогда говорили) в Твери, Казани, Москве. Я приезжал к нему в гости, когда он, будучи на пенсии, работал на скромной должности директора московского зоологического музея. В одном из докладов Надежда Константиновна Крупская приводила его в пример, как лучшего молодёжного организатора.

У меня сохранилась копия этого доклада. А в 1940 году лучшего организатора вместе с другими молодёжными лидерами улекли "куда надо".... Как это не парадоксально, но война спасла моего дяде жизнь. Ему не успели "припаять сроя", отправили на передовую. Естественно, в самое пекло. Но поведел - выжила. Имел много наград и ранений. Обо всём этом я узнал в начале 90-ых годов от его верного друга Ашны Петровны Герашенко. Она же подарила мне его довоенное удостоверение члена ЦК профсоюзов Белоруссии. А младший брат

моего отца Лазаар, выпускник Московской бронетанковой академии, погиб 5 мая 1945 года. В Берлине...

...После войны баба Соия почти каждое лето приезжала из Москвы к нам в Богущевск. Она была верующим человеком. В доме начинался переполох, готовили отдельную посуду для мясного, отдельную для молочного. И, упаси Боже, чтобы ничего с салом, без которого наш быт дад представить было невозможно! А раз она из Москвы, то некоторые местные женщины приходили к ней и делились своими бедами. Она выслушавшая всех, (как депутат на приёме), успокаивала и говорила: "Не беспокойтесь, приеду в Москву, напишу письмо товарищу Сталину, он наведёт порядок". Родители с улыбкой относились к этому, а я после многочисленных бабушкиных просьб вынужден был под её диктовку писать эти самые письма, т.к. сама баба Соия была безграмотной женщиной, но прекрасной портнихой. Зато осенью московские бабушкины дети "стояли на ушах", потому что она уговаривала их передать эти письма И.В.Сталину. Она, как и миллионы советских граждан, очень верила в Высшую Справедливость.

...Папа единственный врач на всю округу. Телефон был у первого секретаря райкома, председателя райисполкома и у главврача. Звонили почти каждую ночь. И я профессию врача невзлюбил с детства. Зимой приезжали за папой на лошади, надевали на него громадный тулуп, укутывали в сено или солому и везли куда-то в деревню ("к чёрту на кулички"), иногда за 30 - 40 км. Моему брату Леве тоже часто приходилось запрягать болящих лошадей. По быстрому

Борис Носовский, 5 лет.

Баба Соия.

Лёва помогал отцу сесть в небольшие сани, и через мгновение они исчезали в ночной темноте... Никто не считал, сколько километров преодолел мой брат с отцом под проливными дождями, в зимнюю стужу по деревенским и просёлочным дорогам, утопающим в непролазном грязи или пропадающим в снежных замётах...

Помню "дело врачей". Мама очень плакала, когда услышала это сообщение. В сельской местности всё быстро облетает слухами. И вскоре кругом стали говорить, что Исаак Яковлевич Носовский — американский шпион, заслан, чтобы отравить весь район, и его то ли уже арестовали, то ли вот-вот арестуют. Мама каждый день встречала папу с работы, кормила его (он тогда почти ничего не ел), брала под руку, и они шли гулять. Ходили по улицам Богущевска, чтобы все видели, что папу никто не арестовал. Время было страшное, нагулялись на всю оставшуюся жизнь. Я видел, как отец сжигал книгу о Соломоне Михалове (она могла стать каким-нибудь предлогом...). Сейчас, вспоминая эти чёрные события, я думаю, что, может быть, отца не "хватали" потому, что к нему с большим уважением относился первый секретарь райкома партии Е.Н. Прохоренко (в войну он был командиром партизанской бригады, в районе его любили).

А потом, когда появилось сообщение, что "Дело врачей" было сфальсифицировано, мама плакала и говорила, что есть Бог на свете, хотя она была неверующим человеком.

...В нашей семье всегда любили музыку. Папа нот не знал, но играл на фортепиано по слуху. Хорошо пел. Ещё мальчиком в Витебске он пел в синагоге у кантора Мостова. В Богущевске его выбрали председателем Совета клуба (!!!). Мы иногда мягко иронизировали по этому поводу, а отцу на самом деле было приятно. А раз в хоре пел главный врач, то, естественно, пели и медсестры, и санитарки, и больные. В хоре пела вся наша семья: мама, сестра Роза, я. У мамы было сильное высокое сопрано. На стене возле "русской" печи были прикреплены тексты песен. Мама готовила обеды и всегда пела. Слова всех песен она знала безукоризненно. Зато папа (наше всего) не знал слов, но во время концерта не подводил, успевал виртуозно быстро приписать булавкой на плечи впередистоящих необходимый текст и также виртуозно поменять его на следующий. И всё это не причиняло боли тем, кто держал его репутацию на своих плечах. Ничего не скажешь, хирург есть хирург! Богущевский четырёхголосный хор оставался в Минске на заключительные концерты республиканских смотров художественной самодельности. У меня до сих пор хранится Почётные грамоты (с портретами вождей), которыми были удостоены мои родители за "большой вклад..." и т.д. и т.п.

Когда Роза, моя сестра, будучи студенткой Минского медицинского института, приезжала домой на каникулы, она привозила пухлые тетради со словами новых песен. Мы их пели, а я по простоте мальчишески думал, что медицинститут это ВУЗ, где учат петь песни. Брат Лёва окончил военное авиатехническое училище, был крепкий, спортивный, отлично танцевал, играл на фортепиано, гитаре. Позже мы вместе играли в эстрадном квартете Витебского ГДК. Он был очень способным человеком. День рождения они отмечали вместе с папой 5 июня. А умер он на год раньше отца. Неудачно прооперирован... На его похороны, выстроившись в четкие линии, военный оркестр играл Шопена (Лёва хоронили как офицера Советской Армии), а я смотрел на беззащитное от горя заплаканное лицо и думал: упаси Господи всех родителей на этой земле быть свидетелями смерти своих детей...

АНАТОЛИЙ ТРУС

Одним из первых моих друзей в Белорусском театре им. Я.Коласа был Анатолий Михайлович Трус. Мягкий, улыбочный, с тёплыми карими глазами и кажушейся медлительностью... Именно кажушейся. Он мог взорваться, разбурываться (не только в ролях). И так же внезапно, с

гребня разбушевавшихся эмоций, исчезнуть в безграничном обаянии, раствориться в доброй улыбке и сразу забыть обо всем, что нарушало его покой...

Городом моей первой гастрольной поездки был Львов — красивый, старинный, с частыми дождями и россыпями искрящихся на солнце капелек недавно прошедшего дождя. За день раз семь, а то и десять мог пойти жарко. И столько же раз опыть светило и припаривало сухие соли.

"Львов - мочевой пузырь Советского Союза", — прокомментировал эти частые смены погодного настроения Анатолий Михайлович.

На львовском вокзале нас встретили с цветами, оптимистически гремел духовой оркестр! Всё было "как в лучших домах Лондона"... Слово "hotel" звучало для меня необычно, по ино-стран-но-му празднично! Оказалось обычный небольшой гостиничный номер. Мне, начинающему театральному дирижёру, пришлось по ночам штудировать партитуры, некоторыми спектаклями надо было дирижировать без предварительных репетиций со сценой. Анатолий Михайлович лежал с книгой в кровати, лукаво и с нескрываемым любопытством рассматривал меня:

- Ученые - свет!.. Но я, учитывая экстремальную ситуацию, элетрический выключатель не буду.

Пожелав успехов в преодолении музыкальных джунглей, отворачивался к стене и через считанные секунды раздавался его не наигранный, натуральный хрип, который сводил на нет все мои усилия.

Утром спрашивал:

- Как успехи?

- Сверх всяких ожиданий, — бодрячком фальшивила я, и мы шли завтракать...

Открылись спектаклем "Нестерка". Анатолий Михайлович играл в нём доброго любящего отца. А в следующем спектакле артист А.Трус играл короля Лира. Я не помню, что писали об этой роли в его исполнении критики, но на меня его Лир произвел сильное впечатление. После спектакля мы шли в свой отель, а мне было как-то жутковато, я ощущал присутствие живого короля Лира. Спектакль играли несколько раз, а мои ощущения не менялись. Музыкальное оформление спектакля "Король Лир" было записано на плёнку, оркестр в этот вечер был свободен, а я приходил в театр, ждал окончания спектакля, чтобы вместе с Анатолием Михайловичем идти в гостиницу. В антракте Лир, застав в дверном проёме своей гримёрки, сосредоточенно молчал. Мимо по коридору шла молодая актриса. Поравнилась с артистом. Король Лир молча схватил её рукой и потащил в гримёрку. А-а-ах! О-ох! Женские возгласы, густой баритон и... смеющаяся актриса выскакивает из гримёрки. С этого вечера исчезли совсем все мои жутковатые ощущения...

Во Львове мы подружились, несмотря на большую разницу в возрасте, характерах и привычках. Мой друг не чулся за бравадой. Однажды был выездной спектакль в Трусковец. А там — известные всему миру минеральные источники. Люди платят бешеные деньги, чтобы лечиться этой водой, а тут — бесплатно! Артисты попробовали: это очень вкусно, что-то сморщился). Анатолий Михайлович выпил целую кружку — глазом не моргнул! Потом ещё!

На следующий день после утренней репетиции прихожу в номер, на столе записка:

- Я попал в больницу, подробности у дежурной по этажу.

Дежурная рассказала, что рано утром его увезла "скорая" в инфекционную. Я навštíл его в больнице. Анатолий Михайлович был грустный. Из театра никто его не навещал. Я этого не понимал: как же так, такой хороший человек. Народный артист, занят почти во всех спектаклях, внезапно заболел — и всем наплевать? Он сказал мне, что теперь ему придется лежать несколько недель, даже если сейчас диагноз не подтвердится. Потом два дня подряд, когда я отсутствовал, из больницы в гостиницу приходили

люди на предмет моей госпитализации, т.к. я находился в контакте с инфекционным больным. При всём моём сочувствии к Анатолию Михайловичу я испугался: в мои планы никак не входило в разгар первого гастрольного лета лежать в инфекционной больнице. Поэтому сразу после закрытия гастролей во Львове я самолёт улетел в следующую гастрольный город. А после оказалось, что опасения медиков были напрасны. Просто тогда (в Трусковце) артист Анатолий Трус слегка "перепил"...

...В Вильнюсе меня поселили в отдельной квартире с роялем (дирижёр всё-таки!). Через день я сбегал в гостиничный номер к Анатолию Михайловичу. (Дабы не возникли какие-либо сомнения, дружба наша была по-настоящему мужской, а не как сейчас "модно"...). Администраторы знали о нашей дружбе и взаимной коммуникабельности (что в долгосрочных командировках бывает важным) и всегда подсадили нас вместе.

Борис Носовский и Анатолий Трус.

Я юморил:

- Знакомьтесь, мой соизготовитель и спонсоринг.

В городе Калининграде мы успевали в свободное от репетиций время съездить на пляж, поплавать (вода всегда была хо-лод-но-ва-тая), иногда поить чешского пива (тогда оно было большим дефицитом), поиграть на пляже в футбол (один — на — один). На эти состязания с большим интересом смотрели женщины (молодые и старые). А мы под этими взглядами "лезли из кожи", чтобы продемонстрировать своё мастерство. Анатолий Михайлович увлёкся, нечаянно наступил на мяч, "загрелся", хорошо, что в мягкий песок (вес у него был приличный!). Женщины засмеялись. Я боялся, что он обидится. Нет, подвылся, куда-то спрятал свою боль:

- Да, ну их! Сгла-зи-ли! Поехали домой.

Уходя, не удержался, обернулся к "большещипам":

- Долго не загорайте, а то можно получить солнечный удар! Если что-то серьёзное — звоните прямо мне: - 03.

В ответ - море улыбок и слова благодарности...

Вот ещё одна "футбольная" история.

В город Великие Луки мы приехали на две гастрольные недели. Погода была устойчиво прекрасной. Утром все дружно (за исключением занятых в выездном спектакле) шли позаргать на берег небольшой речки. Плавали, любители преферанса "забивали пулю", молодёжь шумно "гоняла" в пляжный футбол. В ворота одной из команд был назначен пенальти. Отсчитали одиннадцать шагов, установили мяч. И в этот момент к мячу подходит Коля Тишечкин (тогда он ещё не был Заслуженным артистом БССР, зато был в первых рядах лучших театральных юмористов). Изображая супермастера футбола (и мимически, и физически), с театральным парфосом он обращается к оторпевшим от его внезапного вторжения игрокам:

- Сейчас вы все станете свидетелями небывалого удара высшего международного класса. Я разогнись, сильно бью, и мяч попадает точно в лоб Народному артисту Белоруссии Анатолию Михайловичу Трусу.

Народный артист Трус стоя еще далеко за воротами и с кем-то разговаривал. После слов Коли началась кол-

лективная "рявка": и от того, как ярко он всё сыграл, и от понимания того, что с Колыными "мослами" так далеко не пробьёшь, не говоря уже о попадании... А Коля, не отвлекаясь на отдельные реплики и ироничные выпады одиозно-дилетантов, картинно разогнается, и мяч, описав какую-то треугольную дугу... (невероятно, но факт!!!), попадает точно в лоб народному артисту! Сначала была пауза (почти голговетской) а потом — "РЖАЧКА!". А потом... с яростью разъярённого беловежского зубра коренастый и тяжёловесный Анатолий Трус мчался за молодым артистом Тишечкиным, а тот с неподдельным ужасом в молодых зрачках с неизмеримой скоростью уносил свои тоненькие ноги, прыгая как кенгуру через рывины, ямы и кусты. Пробежав метров 30-40 и перев, что Колю ему не догнать, Анатолий Михайлович остановился, обернулся к коллегам, улыбнулся:

- Вот зараза, быстро бегает!

И всё! И опять он стал добродушным, улыбающимся и мягким. А Коля, вылезая из кустов и испуганно выжимая, спешил принести свои извинения. Ведь на самом деле мы все очень любим Деда (так мы называли его между собой).

Однажды я его спросил:

- Анатолий Михайлович, почему на гастролях Вы посетуетесь всегда со мной? Наверное, Вам было бы лучше жить со своим сыном? (Его сын Леонид Трус тогда только начал работать в театре им. Я.Коласа. Потом он уехал в другой театр, чтобы быть актёром и не купаться в лучах славы отца. Со временем стал ведущим артистом театра Черноморского флота в Севастополе).

- Всё очень просто, - ответил Анатолий Михайлович. - Сейчас он только раз в неделю приходит и просит три рубля на обед, а так бы просил каждый день.

Смеялись мы громко и долго! Я знал, что он любит своих детей и, вообще, он не был скрытой. Широту его натуры знали все, кто общался с ним поближе.

Как-то разговорились мы о нашем театре с Народным артистом СССР Геннадием Цитювичем. Он спрашивал:

- Как там поживает артист Трус?

- А Вы что, знаете его?

- О-о-о, конечно, он из т-е-х Трусов...

Я понял, что Цитювич имел в виду поэта П.Труса и его родословное дерево. А это "О-о-о" означало и известность и степень одарённости...

От природы он был одарённым человеком. Не будучи перечислять всех его способностей, но один (я бы сказал музыкальный) трюк он делал классно! Он хлопал ладонями перед своими губами и мог таким способом "нахлопать" любую мелодию. С особым удовольствием он выхлопывала "легко на сердце от песни весёлой"... Я знал, что не всё в его жизни было легко и весело. Да и с ним в жизни не всегда было просто.

Но об этом я ничего и никогда не слышал от его верного друга, гостеприимной жены Соли. А вершиной их многолетнего союза (как в известной песне Э.Колмановского) были дети, одарённые от рождения лучшими качествами своих родителей.

НИКОЛАЙ ТИШЕЧКИН

Вспомнившая всякие театральные казусы и истории, трудно обойтись без его имени. В те годы мы считывались почти неназваемым И.Бабелем, М.Зощенко, И.Ильфом и Е.Петровым...

В 1967 году театр им. Я.Коласа гастролировал в Гродно.

Не очень большой, но очень красивый и зелёный областной центр в Западной Белоруссии. Популярностью артиста Н.Тишечкина после спектакля "Нестерка" (он играл в нём Школяра) была очень велика. Его узнавали на улицах, в паркахмажорской, на автобусных остановках. Мы заходили утром в кафе позавтракать, а навстречу нам неслось:

- Лида, посмотри, кто к нам пришёл!

На это праздничный вопль из кухни стремительно вылетала Лида, а с нею весь кухонный персонал. Молодые девушки и медсёстры с удовольствием с нами знакомились и с нетерпением ждали новых юморных потресений. Мы в ответ всеми возможными и невозможными способами пытались удовлетворить пожелания трудящихся.

Не помню, кто первым родил эту идею, но помню, что воссламенились мы ею всецело. Горничные из гостиницы возили чистое смежное постельное бельё на двухколёсной деревянной тележке с оглоблями. Мы выбрали день, когда горничные были выходящие. Накануне многие знакомые и малознакомые нам представительницы женского пола были предупреждены, что в воскресенье, в 10 часов утра ... Точный текст не помню, приблизительно это (по секрету) звучало так: "...в 10 часов утра мимо нашей гостиницы промчатся на настоящих северных собаках настоящие северные поларники. Прогей типа "Ударим по бездорожью!..." и т.д.

Назавтра в половине десятого, стараясь не скрипеть колёсами, мы выкатили таратайку с оглоблями, приткнули на вывешенные дорожки к тротуару. Потом вывели привязанных на бельевых верёвках дворовых собак. Отловили мы их ранним утром. Это было не трудно, т.к. они добровольно приходили на гостиничный двор в поисках свежих деликатесов. Привязали к шарабану. Без пяти десятых. Появились первые крайне заинтересованные зрители. Пора!

Мы истошно закричали, как настоящие оленеводы. Но собаки-то не с Крайнего Севера. Они испуганно поджали хвосты, потом совсем утеслись! Они, видать, решили, что раз мы их привязали бельевыми верёвками, да ещё кричим, то надо сидеть им тихо и не выкать. Тут мы стали спорить, кто должен слезть с агрегата и пойти шутануть собак, воткнуть им, как говорят бывалые зооотехнологи, азарту под хвост.

А спорили потому, что каждому хотелось в момент озверелого собачьего рывка стоять на бельевом тарантасе и отчаянно свистеть над головами брычущим ремнём... Конечно, мы не ожидали, что собаки могут подвинуть нам такую свинью.

Наконец, не помню, каким способом, собаки вяло и не в ногу стали переступать лапами. Восторженные девочки и дамочки ржками и горлами стали выражать свой восторг. А потом собаки резко рванули, по-скотски предательски синули в переулок — они увидели кошку — колесница перевернулась, а я лично попаралась примично, мимиейский свисток и т.д. и т.п. Меня забрали. Коля растворился в букете женских лиц... Потом он всё-таки не выдержал, пришёл и участвовал в процессе почти мирных переговоров. Отделались штрафом без квитанции размером в 25 рублей (по тем временам - !!!). Первое время мы умалчивали о наших похождениях — боялись испортить свои пролетарские биографии. А прошло время, хвастались:

- Мы и смелые, и бесстрашные, и очень ловкие парни. Как видите, это не соответствовало истине, но... всё равно было приятно.

ПОСТУПЛЕНИЕ В ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНО

Традиционно громадный конкурс. Поступающих много, шансов достигнуть цели намного меньше. Почти за месяц до начала вступительных экзаменов с нами долго и кропотливо занимался мастер - опытные, именитые педагоги: В.Горлов, Д. Карасик, А.Рессер, В.Латышев, И.Красно... Нас готовили к предстоящим экзаменационным бурям, пытались максимально раскрыть творческие возможности каждого. Отбор был достаточно жестким, но справедливым. К экзаменам число абитуриентов резко сократилось. В числе поступивших оказалась и я (!). Столь радостное событие отмечали в шикарном ленинградском ресторане. Казалось, радоваться бы нам, прыгать от счастья до потолка! Да что-то не прыгало. Мы сидели за столом, притихшие, изможденные почти двухмесячным марафоном в борьбе за место под солнцем. Педагоги, в отличие от нас, были в прекрасном расположении духа (по их словам) "они набрали очень приличный курс". Время подтвердило правоту их слов, мои сокурсники успешно

работают режиссёрами на Ленинградском ТВ, снимают кинофильмы в Грузии, Белоруссии, Литве, возглавляют театры в Прибалтике, России... Вот и я, бывший главреж ряда театров, перемазнул через океан в поисках новых, неоткрытых творческих горизонтов... Ну, а если без шуток, высокая порядочность, человечность наших мастеров, высокую профессиональный уровень, интеллект, искреннюю заинтересованность в наших судьбах - моя память, мое сердце хранит, как драгоценный дар судьбы.

АЛЕКСЕЙ РЕССЕР

Итак, процесс поступления был труд-но-ва-тым... Поднимаюсь по лестнице, настроение — "жёлтое каше", на встречу — один из педагогов. Поравнялись, он мне (как лучшему другу) улыбнулся, озорно подмигнул, мол, держись, парень, все в норме! И так было несколько раз...

...Отмечали поступление: "Если бы не Алексей Александрович, я бы уехал домой, не дожидаясь экзаменов". В ответ: "У меня то же самое, он мне подмигнул, я воспринял духом: подмигивает, значит, болеет за меня". Ещё несколько человек вспомнил: оказывался, им Алексей Александрович тоже улыбался и подмигивал. Выходит, он нас уже тогда заприметил... В тот вечер мы ещё не знали, что Алексей Рессер в блокадном Ленинграде был сильно контужен, а подмигивание — одно из последних... Последствия были драматическими: Алексей Александрович полностью потерял память, не помнил своего имени, места рождения, родственников и т.д. Выжили, немощными усилиями и фанатичным тренингом он вернул себе память, владел многими иностранными языками, мог целыми страницами цитировать А.С.Пушкина, Ф.М.Достоевского, Н.В.Гоголя... Мы были свидетелями такой феноменальной памяти, но всё равно как-то не верилось... Однажды перед занятием показали ему страницу старославянского текста. Алексей Александрович секунд 30-40 смотрел в текст, а потом, закрыв глаза, стал наизусть читать его. Допустил только две ошибки. Мы были потрясены! Перед экзаменами нам предложили экскурсию по Ленинграду. Ленинградские абитуриенты сказали, что экскурсия будет уникальной. Как под-

Слева-направо: Николай Тишечкин, Борис Сивков, Алексей Рессер и Борис Носовский.

тверждение их слов, перед началом к автобусу подошли несколько человек и попросили разрешения быть в нашей группе. Оказалось, что это были сотрудники Академии наук. Они узнали, что Алексей Александрович будет вести эту экскурсию. Он им разрешил. Это была не экскурсия, а 10 часов художественного потресания, прозрения, восхищения... Это был театр одного актёра, в спектакле которого принимали участие величайшие поэты, художники, писатели, архитекторы, историки, представители царской династии, террористы и пламенные революционеры. Сколько звучало стихов, прозы, воспоминаний, исторических фактов и даже мелодий, хотя голос Алексея Александровича не претендовал на лауреатское звание. Десятичасовая экскурсия оказалась миготом, в котором вечность пыталась найти своё отражение...

А.Рессер любил людей с юмором, смеялся очень заразительно. Помню одно учебное задание: все, что мы знали о теории кино, нужно было воплотить в пьесе и поставить по ней спектакль. В эпизоде о параллельном монтаже была такой трюк: двое крепких парней держали меня за ноги, а я, висящий вниз головой и повернутый лицом на 180 градусов от клавиатуры, должен был сыграть короткий фрагмент "Свадебного марша" Мендельсона. Мы делали это акробатом, первый раз. Я никак не мог сориентироваться, где находится нужные клавиши, пытался вывернуться шаго на 180 градусов и посмотреть. С клавишами у меня не получалось, зато успел заметить, как в зале, рядом от смеха, Алексей Александрович сползал под стулья...

В 1980 году Белорусский академический театр им. Я.Коласа, в котором я работал заведующим музичеством и дирижером, приехал в Ленинград на гастроли. Я попросил А.Рессера встретиться с коллективом театра. Он согласился. А я опять вспомнил дестинационную экскурсию, я опять был во власти неповторимой феерии, магии театра и литературы, филигранного сплетения мыслей, чувств и эмоций. Позже актёры нашего театра, посетившие Эрмитаж и другие ленинградские музеи, балеты Б.Эйфмана, концерты симфонической музыки, говорили (к моей величайшей гордости, как будто речь шла обо мне), что самое сильное впечатление о Ленинграде — это встреча с Алексеем Рессером. Зрители могли видеть Алексея Александровича в качестве актёра в телефильме "Рафэрти", он играл адвоката (когда Рафэрти — один единственный раз смог удачно ответить на вопрос комиссии, адвокат-Рессер шумно выскочил в платок). Позже он играл главную роль (ювелира) в трехсерийном телефильме (Лентелефильм), к сожалению, названия не помню. У меня сохранилось несколько фотографий с Алексеем Александровичем (приветливая улыбка, добрые глаза), на которых он совсем не похож на легенду театрального Ленинграда...

КИРИЛЛ ЛАСКАРИ

Одним из постоянных соавторов в моих спектаклях была К.Ласкари, человек, пронизанный юмором, оптимизмом, фонтанирующей творческой фантазией. Он работал балмейстером в Малом оперном театре (г. Ленинград), много лет сотрудничал с И. Владимировым в театре Ленсовета, его наперебой приглашали самые известные театры страны на постановку движения и танцев. Достаточно вспомнить такие телевизионные работы, как "Покровские ворота", "Соломенная шляпка", "Михаил Ломоносов", "Жизнь Клима Самгина", двухсерийный кинофильм "Тень" и многие другие, в которых Кирилл выступал в качестве балмейстера. Во всех наших совместных работах он умел точно схватить суть режиссерского замысла, моментально трансформировать и дополнить его хореографическими средствами. Так было и в детских мюзиклах, и в постановке спектаклей по пьесам Ж.Б.Мольера, Б.Брехта, М.Булгакова. Кирилл (мы по-дружески называли его Кира) - одаренный человек. Он хореограф, драматург (его пьесы ставили в Ленинграде, Курске, Вологде, Гродно...). Я знаю, что он поставил несколько спектаклей как режиссёр-постановщик на сцене театра им В. Комиссаржевской. Не знаю, от кого это у него - от папы или от мамы. Кстати, отец К.Ласкари - известный астрадский артист А.Менакер. Кира и Андрей Миرون - сводные братья: папа у них один, а мамы разные. Так получилось, что в творческий мир они вошли с фамилиями своих матерей. Несмотря на такое стечение жизненных обстоятельств, Андрей и Кирилл были очень дружны все годы.

Познакомились мы в Ленинграде. Несколько раз я был гостем в его квартире по улице Рыжиково-Курсакова, где они жили с Ниной Ургант (он тогда был её мужем). Сын Нины - Андрей, теперь известный актер и телеведущий... Эта гостеприимная квартира принимала самых интересных людей (в силу природной скромности я говорю не о себе). Я знал, что Нина дружна с Мариной Влади и Владимиром Высоцким. Они приходили к ней в гости каждый раз, когда

бывали в Ленинграде. Я, к сожалению, в их компании за столом не сидел. Правда, один раз Кирилл пригласил меня пойти вечером в ресторан: "Там будут Володя с Мариной". Я не пошел, у меня был билет на премьеру спектакля И. Владимировича в театре им. Ленсовета "Люди и страсти". Я подумал, что с В.Высоцким мы обязательно где-нибудь встретимся, а премьера в театре бывает один раз. Мои сокурсники, узнав о моем выборе, меня не поняли... Как видите, с Кирилл Ласкари нас связывает не только совместное творчество, но и воспоминания о несостоявшихся встречах...

После премьеры мюзикла для детей по пьесе Леоды Милевой (дочери болгарского классика Гео Милева) "Когда кукулы не спят" в Белорусском Академическом театре им. Я. Коласа был шикарный банкет (актеры, артисты оркестра, художники, осветители, театральные критики). Большой зрительский успех спектакля вдохновлял на красивые тосты и праздничное настроение. Это была наша первая совместная премьера с К.Ласкари. Провожая его в Ленинград, насильно "вручили" на дорожку "завтрак пассажира" - шампанское, всевозможные закуски. Спустя время Кира рассказывал, что сразу после его приезда в Ленинград к ним пришли в гости Володя и Марина. Их угощали, в том числе и белорусскими копченостями, которые приписывали гостям по вкусу... Вот так я несколько раз почти соприкасался с В.Высоцким. Во время гастролей Театра на Таганке в Минск к моему приятелю-художнику пришли актёры этого театра: М.Лебедев, В.Драгуновская, Жюда В.Высоцкого, но у него в это время "выпала" концерт... Так распорядилась планода, что возможность встречи с самим В. Высоцким ушла вместе с окончанием эпохи неповторимого актёра, поэта и барда. Осталась только возможность слушать музыку его души и стук сердца его стихов... Я помню, как друзья-ленинградцы подарили мне песню В.Высоцкого

Алексей Рессер

"Кони привередливые", записанную на гибкой пластической плёнке (тогда песня считалась крамольной). Мы крутили её до изнеможения, забывая о жизненных перипетиях, тяготах быта и уносился туда, куда ветром безудержного темперамента и стихии нас уносили голос певца.

КОНСТАНТИН РАЙКИН

Сначала несколько слов об Аркадии Исааковиче Райкине — отце Кости. Достаточно назвать его имя — и не надо никаких вжитов и метафор. Для него писали наши лучшие писатели-юмористы и считали это большой честью. В своё время с одним из них, Венямином Сквирским, мы встретились и познакомимся на Дальнем Востоке, где я тогда работал художественным руководителем Комсомольского-на-Амуре драматического театра. (В.Сквирский — лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады, его монологи были в репертуаре А.И.Райкина).

...Вспоминано, как я был потрясён одним эпизодом из жизни Аркадия Исааковича, о котором прочитал в журнале "Огонёк" (статья называлась "Индифферт мюзикора"). Может быть, я буду неточен в каких-то деталях, но суть была в следующем: Аркадия Исааковича, как представителя советского искусства, послали за рубеж (кажется, в Англию) на какой-то международный конкурс. В Министрестве культуры не удосужились уточнить, что это был за конкурс... Оказалось — международный конкурс (или фестиваль) мимов с участием Марселя Марсо. А отказаться, даже со

смысла) на Министерство культуры, Аркадий Исаакович не ждал, ведь он представлял здесь многонациональное советское искусство. Что делать? Текст его миниатюр срочно перевел на английский язык; если не ошибаюсь, перевод написали русскими буквами. Всею ною Аркадий Исаакович не стал, пил много кофе и учил называть свою программу на английском. На следующий день он выступал перед зарубежными зрителями: "улокила" зал - ошеломляющий успех!!! А по возвращению на родину - инфаркт миокарда...

Ещё один случай из его жизни: на концерте, кажется, в Киеве, один из героев его монологов спрашивает у зала:

- Вы знаете, кто я такой?

В ответ из зала кто-то выкрикнул:

- Жид.

Пауза, переполненный зал словно замер. Аркадий Исаакович спокойно попросил:

- Встаньте, кто это сказал. Зал молчал, никто не встал.

- Тогда встаньте, пожалуйста, кто сидит рядом с этим человеком.

Зал молчал. Аркадий Исаакович повернулся и ушёл со сцены. Концерт был отменён (все подробности описано). Это не было капризом известного артиста, это была мужественный поступок большого художника, непримерный протест против антисемитизма, хамства и общественно-равнодушия.

Вспоминая об этих фактах, известных многим почитателям таланта Аркадия Исааковича, я хочу ещё раз сказать, что для меня лично он был не только любимым артистом, который одной фразой, словом, жестом мог "раскрыть, предать осмеянию, приводить" ... Сегодня я понимаю, что было очень и очень непрост, несмотря на все жизненные преграды и запреты сохранять чувство собственного Достоинства.

Я встречался с Аркадием Исааковичем на экранах кино и телевидения. (Шутка! Ну так хочется быть рядом со знаменитым актёром!) Несколько раз я видел его в Дрме актёра на Тверской, а быть близко знакомым, к сожалению, не пришлось. Знаю, что это дети - актёры. Катя Райкина - актриса театра им. Вахтангова. Костя... Несмотря на его известность, я довольно равнодушно относился к нему, как к артисту. Думаю, что мешало чувство предубеждения: сколько их, детей известных деятелей искусства, уверено толпающих ногами по стогам своих родителей, дедушек или бабушек только потому, что те, в свою очередь, усмешливо тащили их за ручки и многие годы поддерживали (простите) под определённые места.

...В город Чебоксары (я тогда работал главрежем республиканского русского драматического театра) Константин Райкин приехал со своей сольной программой. В здании филармонии два концерта подряд. "Понятное дело, - подумал я, - человек делает деньги". На концерт пошёл ради детей.

Артист К. Райкин разнёс "в пух и в прах" все мои предубеждения. Я с радостью понял, что многие годы ошибался. Тонкий юмор, филмигранная пластика, способность легко импровизировать, чувство такта, особая энергетика и актёрское обаяние сделали своё дело! Я понял, почему Аркадий Исаакович верил именно ему своей театр...

После концерта я прошёл за кулисы. Нас познакомили. Я не говорил Косте о том, что произошло со мной в этот вечер (иногда трудно найти словесный эквивалент чувствам). Я только попросил, если это возможно, встретиться с коллективом нашего театра. Он согласился, но только сразу после второго концерта, потому что завтра утром ему надо улететь в Москву. В одиннадцатом часу он приехал в театр. Артисты аплодировали, цветы и прочее...

Потом встреча, первое - диалог (два с лишним часа), в котором участвовали все, потом наше уютное театральное кафе. Фотограф-любитель запечатлел нас с Костей за столом, в середине которого, как наполнениею на высоком уровне благосостояния, большая бутылка импортного вина - традиционный неотъемлемый атрибут застольной отечественной фотографии. Костя ничего не пил. И не потому, что устал, просто он, вообще, почти не пьёт. Пока окружающие в силу своих возможностей и способностей "согревались", он рас-

сказывал мне о последних годах жизни отца, о конфликтах (творческих) с ним в вопросах дальнейших перспектив театра "Сатирикон". (Константин Райкин стал его художественным руководителем ещё при жизни А.Райкина).

Костя охотно фотографировался "на память" со всеми желающими, актёрами, будущими и офицантами. Тогда я подумал, что это тоже природный дар - в несколько минут стать для окружающих своим, нужным и понятным...

Процудился тепло, лёгкая грусть окрашивала искренние прощальные слов... Опять отступил на память любительские фото и витринная карточка, на которой (без всяких регалий) было запечатлено: театр "Сатирикон", художественный руководитель Константин Аркадьевич Райкин.

- Будешь в Москве, обязательно приходи, звони, в любое время дня и ночи... Домой, в театр, где выволишь...

Было лестно слышать эти приглашения, я знал, что в его театре аншлаги (в наше-то время!), билетов не достать...

А что? Всяко бывает. Может, приеду и выволю. Может быть, ещё успею...

ВАДИМ КОЗИН

В своё время судьба подарила мне встречу с замечательным человеком, артистом, певцом, композитором, гражданином России Вадимом Алексеевичем Козиным.

Июнь 1985 года. В Магадан я приехал на гастроли с театром из Комсомольска-на-Амуре. Из аэропорта в город автобус вёз нас по Кольмовскому тракту... Я невольно вспомнил всё, что знал о Кольмве, и о дороге, что построена, как говорили, на костях заключённых, и песню "...Запомнил я Ванькин порт...". Но никак не мог предположить, что в этом суровом (во всех отношениях) крае я встречу Вадима Алексеевича. Нас познакомили в Магаданском отделе интратеатрального общества. Песни и романсы в исполнении Козина я знала по грамзаписи, т. е. по пластикам. В первые послевоенные годы их часто пели на семейных торжествах, в студенческих компаниях. Мальчишкой мне разрешали на домашних вечеринках крутить ручку патефона, поэтому репертуар Козина был музыкаль моего детства.

Узнав, что я, кроме режиссуры, закончила класс композиции, Козин очень оживился, пожелал мне успехов в творчестве. Господи, сам Козин!!! На том и расстался. Его необъ-

Кирилл Ласкари и Борис Носовский.

чайной красоты цыганский голос сводил с ума всех, кто его слышал, - женщин, мужчин. Артиши, аншлаги, овации - вот мир, в котором он жил, создавал всё новое и новые прекрасные песни, чтобы щедро дарить их с эстрады своим восхищённым слушателям и поклонникам.

Но вот перед самой войной всё это внезапно оборвалось, а сам он исчез, чтобы вновь вынырнуть уже совсем перед другой аудиторией - эками, перед которыми лишь иногда в виде особой награды, как для исполнителя, так и для слушателя, ему было разрешено исполнять всего лишь две песни, а третью только на "бис". Так, проведя более 15 лет по лагерям Магадана, Козин после освобождения получает разрешение на серию концертов по Кавказу и Черноморскому побережью. А потом - "пожалте" назад в Магадан на вечное поселение.

...Через несколько дней наших гастролей мы случайно встретились на улице. Поговорили. Не знаю, чем было вызвано такое тёплое отношение ко мне, только мы с женой получили приглашение прийти к нему домой в гости. Вот мы и пришли в однокомнатную "хрущёвку", в которой последние сорок лет жил один из самых известных астраднских певцов России. Вадим Алексеевич выглядел очень ампетантно: белая рубашка, галстук и, главное, красный меховой жилет (кажется, из нерпы). На столе было приготовлено роскошное чаепитие. Вадим Алексеевич рассказал, что

Константин Райкин

как раз получил посылку из Москвы от своих поклонниц. Московские сладости, пирожки с книгами, стаканы с газетными вырезками, фортепиано, старый проигрыватель, игрушечные кошки и кошечки, кошки на рисунках, фото, да ещё три кошки, бегающие по дому, с которыми хозяин был так любезен... (о кошках он мог говорить долго). Всё это моментально стало своим, давно знакомым, по-домашнему приветливым и тёплым. И, что самое главное, отсутствие какой-либо поэмы, альбома, деланной простоты и снисходительности величия. Рядом с нами был человек, для которого необходимо было общение с почти неизвестными людьми. Позже я узнал, что отзывчивость и жажда общения были главными в жизни этой удивительной личности. Конечно, хотелось подробно расспрашивать Вадима Алексеевича о загадочности трагических приключений в его жизни, но было сомнение в том, насколько это будет этично...

Мы познакомились с фотографиями тех, кто, будучи в Магадане, навещал В. Козина: Е. Егуптенко, О. Лундстрема, Б. Школовой, Г. Жженова, С. Юрского, артистов Театра Сатиры. Я знал, что каждый человек, приезжавший в Магадан, считал своим долгом и честью встретиться с выдающимся артистом. Мы рассматривали альбом с семейными фото - своеобразные страницы истории русского исполнительского искусства.

С любовью рассказывал Вадим Алексеевич о своих предках. Кочевые цыгане, они поклонялись Илье-пророку. Отсюда Ильинские

Вадим Алексеевич был в хорошем настроении, ему сообщили, что в США вышел большой диск с его песнями. Естественно, от чаепития перешли к музыке. Мы попросили Вадима Алексеевича спеть "Осен". Он сел за фортепиано и спел под собственный аккомпанемент. Я спросил, сочиняет ли он сейчас. Козин ответил утвердительно и спел один из романсов, сочинённых недавно, кажется, на стихи поэта Дементьева. Мне тогда показалось, что есть какое-то несоответствие между стихами и музыкальными интонациями романса, но вслух не сказал. Не потому, что боялся обидеть автора. Я был поражен красотой и тембром голоса Козина. Это завораживало, вызывало такой восторг — словами, пожалуй, совру, это надо слышать и чувствовать. Как будто ему ещё не исполнилось 80 лет: Козин обладал необычным по красоте голосом, в котором слышались и русская удыль, и шедящая цыганская тоска.

...Потом Вадим Алексеевич попросил меня сыграть что-нибудь своё. Не помню, что именно я играл и пел, помню, что по настроению мне хотелось спеть что-то грустное, про любовь и разлуку.

...В тот вечер мы много смеялись. Козин рассказывал, благодаря которому он переехал в Москву. Певец со

стажем Нивифоров, с которым Козин работал вместе в Ленгосстраде, получал такую же зарплату, как и молодой певец. Недовольный этим фактом, Нивифоров потребовал у дирекции повысить ставку, иначе он уволится. Ему повысили ставку. Козин решил последовать примеру коллеги и написал в дирекцию такое же заявление. Его уволили. После этого ничего не оставалось делать, как собрать вещи и уехать в поисках удачи в Москву.

В Москве в ЦПКЮ руководителем оркестра работал Аркадий Покрас, который раньше знал Козина. Он рекомендовал молодого певца с чарующим голосом директору парка. Вадима Алексеевича приняли. На следующий вечер Козин вышел на сцену Зелёного театра. Он исполнил "Калитку" и "Меж высоких хлебов" — красивые русские песни, редко исполнявшиеся в концертах и потому мало знакомые столичной публике. Успех превзошел все ожидания. Вскоре Козин начал петь только концерты: без микрофона и усилительной техники он исполнил до сорока песен за вечер.

...Вадим Алексеевич извинился, набрал по телефону чей-то номер. Дозвонился, попросил кого-то прийти сейчас же к нему с фотоаппаратом, т.к. у него в гостях удивительно хорошие люди. Без сомнения, мы взаимно понравились друг другу, хотя в оценках и мнениях сходились не во всём (говорят, что Козин не очень жаловал людей, которые не разделяли его взглядов). Пришёл симпатичный мужчина лет тридцати пяти, по фамилии, кажется, Костырин. Как мы помним, он был одним из ближайших друзей Вадима Алексеевича. Он нас фотографировал, за что ему и сегодня большое спасибо, иначе не было бы таких дорогих для нашей семьи снимков. ...Как-то после спектакля мы проводили чету Костыриных домой. Они указали нам на одно здание: - Вот здесь, на втором этаже, третье окно от угла, сидел Вадим Алексеевич. Только мы не останавливаемся, — они почему-то попросили, чтобы мы открыто не проявляли своего любопытства.

В этот вечер Вадим Алексеевич не сетовал на свою судьбу, не обвинял тех, по чьей вине он попал в Магадан. Больше рассказывал о своих концертах, переполненных залах, курьёзных случаях.

Да, после войны о Козине никто толком ничего не знал. В мае 1944-го года его имя исчезло с концертных афиш, перестали продаваться пластинки, не слышно было его голоса по радио. По доносу стучача (из своего ансамбля) его судили за измену Родине. Будто бы Козин задумал бежать с польским корпусом. Последний свой концерт Козин дал перед работниками НКВД, после чего и попал на Лубянку.

...Поздно вечером мы уходили от Вадима Алексеевича. А уходить не хотелось. Для наших детей (они остались в гостинице) Вадим Алексеевич пердал сладости и красивый пакет супа с шампиньонами (в Магадане, это был редкий деликатес).

Мы договорились о встрече. Вадим Алексеевич запас свои координаты (прямо на ходу) на бумажной салфетке. К сожалению, больше нам не почастувилось встретиться с Козинным, так как внезапно пришлось уехать с гастролей на несколько дней раньше...

Борис Носовский, Вадим Козин и Галина Панкова.